М. Л. МАЙОФИС, И. В. КУКУЛИН

Майофис Мария Львовна
канд. филол. наук, старший научный сотрудник,
Лаборатория историко-культурных исследований
ШАГИ РАНХиГС;
доцент, Институт общественных наук РАНХиГС
Россия, Москва, 119571, пр-т Вернадского, 82
Тел.: +7 (499) 956-96-47
E-mail: mmaiofis@yandex.ru

Кукулин Илья Владимирович
канд. филол. наук, доцент, Школа культурологии,
Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ),
старший научный сотрудник;
Международный центр истории и социологии
Второй мировой войны и ее последствий, НИУ ВШЭ
Россия, Москва 105066, Старая Басманная ул., 21/4
Тел.: +7 (495) 772-95-90
старший научный сотрудник,
Лаборатория историко-культурных
исследований ШАГИ РАНХиГС
Россия, Москва, 119571, пр-т Вернадского, 82
Тел.: +7 (499) 956-96-47
E-mail: ikukulin@yandex.ru

СОВЕТСКАЯ СИСТЕМА ОБРАЗОВАНИЯ И ПРОИЗВОДСТВО СОЦИАЛЬНЫХ ИДЕНТИЧНОСТЕЙ В 1920-е — НАЧАЛЕ 1940-х ГОДОВ

От составителей раздела «Советское образование и политики идентичности»[1]

Аннотация. В предисловии объясняются задачи подборки статей в рубрике «Детство, воспитание, идеология». Обсуждается массовое производство новых идентичностей в СССР в 1920-е — начале 1940-х годов. Выдвинуто предположение, что новые социальные идентичности в СССР всегда формировались для решения конкретных задач, которые могли

[1] Раздел подготовлен в рамках работы над проектом Лаборатории историко-культурных исследований ШАГИ РАНХиГС «Концептуальные основания советской образовательной политики (1920–1980-е)».

© М. Л. МАЙОФИС, И. В. КУКУЛИН

противоречить друг другу. Это порождало скрытые напряжения в советской социальной и образовательной политике.

Ключевые слова: социальные идентичности, профессиональные идентичности, советская социальная политика, советская образовательная политика.

В этом разделе мы предлагаем вниманию читателей две статьи о формировании новых социальных и профессиональных идентичностей в СССР 1920–1940-х годов.

Социологи и антропологи в 2000-е годы неоднократно критиковали термин «идентичность» как получивший слишком широкое толкование[2]. Р. Брубейкер и Ф. Купер предлагали говорить не об «идентичностях», а о временно возникающих «идентификациях». Мы здесь понимаем идентичность не как исследовательский инструмент, но как социально-психологический конструкт, с помощью которого властные структуры и общественные институты формируют самосознание социальных групп (основания для такой интерпретации предложены в работе норвежского политолога Ивэра Нойманна [Нойманн 2004: 267–294])[3].

Социальные, профессиональные и гендерные идентичности могут быть «спроектированы» и созданы заново в ходе целенаправленной работы политических элит, медиа и социальных организаций[4]. Наиболее мощный инструмент для такой работы — образование. Другие инструменты — политическая пропаганда, публицистика на темы морали и этики (в том числе профессиональной) и репрезентации идеальных образов той или иной идентичности — образцового или как минимум «положительного» инженера, врача, школьника, коммуниста, общественного работника и т. п.

Из этого перечисления видно, что важнейшие средства конструирования идентичности и ее дальнейшего преобразования — языковые. Среди них — система слов-маркеров с явными оценочными коннотациями, положительными и отрицательными, профессиональная или гендерно окрашенная терминология (например, «современная женщина» как носительница подразумеваемого, вполне определенного набора качеств) и т. д. Социолингвисты обсуждают значение языковых средств для конструирования идентичности уже на протяжении нескольких десятилетий (см., например: [Gumperz, Cook-Gumperz 1982]).

[2] После публикации первой статьи на эту тему [Brubaker, Cooper 2000] появилась довольно обширная литература, обсуждающая изложенные в этой статье тезисы. См., например: [Jamieson 2002].

[3] См. подробнее также ч. 1 и 2 книги [Ashmore, Jussim 1997].

[4] См., например, исследование формирования самосознания британских медсестер-сиделок: [Hallam 2000].

Советская Россия и в целом СССР 1920–1930-х годов были местом массовой выработки новых социальных идентичностей. Это «производство субъектов» было основано на эксплицитном включении идеологических критериев в самосознание миллионов людей. Заново формировались и профессиональные идентичности, которые тоже переосмыслялись как политически и идеологически значимые. Создавались и совершенно новые профессии, необходимые для функционирования советского государства, — например, профессии «освобожденных» партийных чиновников.

Государственные пропагандисты, журналисты, работники образовательной и социальной сфер стремились «реформировать» самосознание даже тех профессий и социальных групп, которые существовали в имперской России: на место инженеров должны были прийти — и во многом пришли — специфически советские инженеры [Шаттенберг 2011], на место рабочих — советские рабочие[5], на место писателей — советские писатели [Добренко 1999]. Их самосознание должно было быть пересоздано с помощью доктринальных и языковых средств. Большевистское руководство считало, что справилось с поставленными задачами: так, Сталин в своей речи на XVIII съезде ВКП(б) в 1939 г. объявил, что в СССР создана совершенно новая интеллигенция, не имевшая ничего общего с дореволюционной.

Все эти новые идентичности имели телеологический и идеологический смысл: каждая должна была занять свое место в единой конструкции нового общества. Ироническим изображением такого идеала, видимо, является, известная картина Гриши Брускина «Фундаментальный лексикон» (1988), составленная из отдельных микроизображений советских социально-профессиональных и социально-бытовых типов: архитектор, моряк, продавец мясного отдела в продовольственном магазине, «образцовый» больной и т. п.

Вероятно, позднесоветских функционеров такая стабильная картина совершенно бы устроила, однако социальная действительность никогда не была столь однородной, как на визионерской картине Брускина. Новые социальные и профессиональные идентичности в СССР создавались всегда для решения конкретных задач, иногда — масштабных, иногда — локальных. Между каждой такой задачей и общим телеологическим пафосом советского режима всегда возникали скрытые напряжения. Это было тем более неизбежно, что часть ресурсов для построения новых идентичностей не изобреталась заново, а бралась из предреволюционного или иностранного опыта.

Предлагаемые вниманию читателя статьи описывают не столь массовые случаи, как «формовка» советских инженеров или рабочих. Работа **Артема Кравченко** прослеживает формирование в СССР

[5] См. об этом, например, полезные материалы в: [Kotkin 1995].

идентичности пионервожатого — с самого начала это была не профессия, а именно социальная функция, хотя и близкая по смыслу к профессиональному самоопределению. Вторая статья, написанная **Наталией Харитоновой**, показывает, как в конце 1930-х и в 1940-е годы были созданы идеологические и языковые средства для воспитания в СССР эвакуированных испанских детей. Оба исследования позволяют проследить на микроуровне, как решение конкретной задачи вызывало переосмысление заимствованных терминов и иных дискурсивных ресурсов, и как эти термины влияли на самовосприятие «адресатов».

Понятие *вожатый* дополнило язык дореволюционных скаутов, измененный и приспособленный для новой структуры детского движения. Вожатый — тот, кто должен осуществлять постоянный контроль над жизнью детей и поддерживать их индоктринацию. Хотя движение скаутов и имело свою идеологию — или, точнее, строилось на основе нескольких конкурирующих идеологий, — подобной задачи в нем не было, поэтому не было и соответствующей социальной функции. А. В. Кравченко показывает, как эта функция была не только создана, но и натурализована, т. е. стала восприниматься как «естественная», необходимая для нормального функционирования советской школы и других образовательных институций (в первую очередь пионерских лагерей).

Для обучения и воспитания эвакуированных из Испании детей и для мотивации их учителей был использован язык испанской прогрессивной педагогики первой половины XX в. Из статьи Н. Ю. Харитоновой видно, что выражение «полезный человек» (*hombre util*), имевшее в испанском языке первоначально леводемократические коннотации, было использовано испанскими и советскими коммунистами как ключевое для формирования социальной идентичности испанских детей, росших в СССР, а вокруг этого понятия были выстроены дискурсивные и педагогические «подпорки».

В целом, как мы надеемся, эта подборка позволяет прояснить отношения между образовательными практиками, дискурсивным строительством и формированием новых идентичностей в СССР и увидеть, что эти отношения были более разнообразны, чем это представлялось прежде.

Литература / References

1. Добренко Е. (1999). Формовка советского писателя. Социальные и эстетические истоки советской литературной культуры. СПб.: Академический Проект, 1999. 557 с.

Dobrenko, E. (1999). *Formovka sovetskogo pisatelia. Sotsial'nye i esteticheskie istoki sovetskoi literaturnoi kul'tury* [The making of a Soviet writer: Social and aesthetic origins of Soviet literary culture]. St. Petersburg: Akademicheskii Proekt. 557 p. (In Russian).

2. Нойманн И. (2004). Использование «Другого» / Пер. с англ. В. Литвинова и И. Пильщикова, предисл. А. Миллера. М.: Новое издательство, 2004. 336 с.

Neumann, I. (2004). *Ispol'zovanie "Drugogo"* [Uses of the Other]. Transl. by V. Litvinov, I. Pil'shchikov. Moscow: Novoe Izdatel'stvo. 336 p. (In Russian, transl. from: Neumann, I. B. (1999). *Uses of the Other: "The East" in European identity formation*. Minneapolis: University of Minnesota Press. 281 p.).

3. Шаттенберг С. (2011). Инженеры Сталина: Жизнь между техникой и террором в 1930-е годы / Пер. с нем. Л. Пантиной, В. Брун-Цехового. М.: РОССПЭН, 2011. 478 с.

Schattenberg, S. (2011). *Inzhenery Stalina: Zhizn' mezhdu tekhnikoi i terrorom v 1930-e gody* [Stalin's engineers: Life between technics and terror in the 1930s]. Transl. from German by L. Pantina, V. Brun-Tsekhovoi. Moscow: ROSSPEN. 478 p. (In Russian).

4. Ashmore, R. D., Jussim, L. (eds.) (1997). *Self and identity. Fundamental issues.* Oxford: Oxford Univ. Press. 256 p.

5. Brubaker, R., Cooper, F. (2000) Beyond "Identity". *Theory and Society, 29*, 1–47.

6. Gumperz, J. J., Cook-Gumperz, J. (1982). Introduction: Language and the Communication of Social Identity. In J. J. Gumperz (ed.). *Language and social identity*, 1–21. Cambridge: Cambridge Univ. Press.

7. Hallam, J. (2000). *Nursing the image: Media, culture and professional identity.* London: Routledge. 240 p.

8. Jamieson, L. (2002). Theorizing identity, nationality and citizenship: Implications for European citizenship identity. *Sociológia, 34*(6), 506–532.

9. Kotkin, S. (1995). *Magnetic mountain: Stalinism as a civilization.* Berkeley: Univ. of California Press. 639 p.

The Soviet educational system and the production of social identities in the 1920s — early 40s: Foreword to the cluster "Soviet education and politics of identity"

Maiofis, Maria L.
PhD (Candidate of Science in Philology)
Senior Researcher, Laboratory of Historical and Cultural Studies, School of Advanced Studies in the Humanities, The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration; Associate Professor, nstitute of Social Sciences, RANEPA
Russia, Moscow, 119571, Prospect Vernadskogo, 82
Tel.: +7 (499) 956-96-47
E-mail: mmaiofis@yandex.ru

Kukulin, Ilya V.
PhD (Candidate of Science in Philology), Associate Professor, School of Cultural Studies, National Research University "Higher School of Economics" (HSE); Senior Researcher, International Center for the History and Sociology of World War II and Its Consequences, HSE
Russia, Moscow 105066, Staraia Basmannaia str., 21/4
Tel.: +7 (495) 772-95-90
Senior Researcher, Laboratory of Historical and Cultural Studies, School of Advanced Studies for the Humanities, The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration
Russia, Moscow, 119571, Prospect Vernadskogo, 82
Tel.: +7 (499) 956-96-47
E-mail: ikukulin@yandex.ru

Abstract. This brief note aims to clarify the tasks of the cluster "Soviet education and politics of identity". We focus on mass production of new social identities in the USSR in the mentioned period. The main argument is that new identities in the USSR always were constructed for the purpose of solving particular tasks that could contradict each other. These contradictions caused hidden tensions in Soviet social and educational policies.

Keywords: social identities, professional identities, Soviet social policy, Soviet educational policy, Young Pioneer leaders, the Scout movement in Russia, Spanish War children in the USSR.

Maiofis, M. L., Kukulin, I. V. (2015). The Soviet educational system and the production of social identities in the 1920s — early 40s: Foreword to the cluster. Shagi / Steps, 1 (1), 40–45